

Литературный факт 2026. № 3 (41)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (41), 2026

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-397-428>

<https://elibrary.ru/TBTJQB>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (41), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Руководство по эпистолографии братьев Лихудов: источники и метод составления

© 2026, Л.В. Спиридонова

Социологический институт ФНИСЦ Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

© 2026, А.В. Курбанов

Социологический институт ФНИСЦ Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Работа выполнена в Социологическом институте ФНИСЦ РАН при финансовой поддержке РНФ, проект № 24-28-01075 «Курс по эпистолографии братьев Лихудов в Славяно-греко-латинской академии: издание неопубликованного памятника и изучение методики преподавания» (<https://rscf.ru/en/project/24-28-01075>).

Аннотация: Статья посвящена исследованию источников первого в России систематического руководства по эпистолографии — трактата «О методе эпистолярных стилей», составленного братьями Иоанникием и Софронием Лихудами в 1687 г. для студентов Славяно-греко-латинской академии (сохранился в двух списках конца XVII в.: РНБ, Греч. 506 и Ивиرون 98). В работе показано, что данный текст не является изолированным памятником, а органично вписывается в широкий контекст итало-греческой школьной традиции, зародившейся в конце XVI в. в Папской греческой коллегии св. Афанасия в Риме. На основе детального текстологического и сравнительного анализа выявлены три главных источника пособия Лихудов. Структурным каркасом послужил неопубликованный трактат критского иезуита Андреаса Пердзвалиса «Краткий метод, как следует составлять послание» (1624), изученный по его петербургскому списку (БАН, РАИК 179). Теоретические определения отдельных эпистолярных типов, аристотелевская топики и значительная

часть образцовых писем были заимствованы из «Изложения об эпистолярных типах» видного греческого неаристотелика Феофила Коридаллевса (Лондон, 1625). Кроме того, выявлено систематическое обращение к античному трактату «Эпистолярные типы» Псевдо-Деметрия Фалерского, к которому восходит около двадцати эпистолярных примеров руководства — от почти дословных копий до свободных переработок. Характер работы Лихудов с текстами предшественников отражает специфику академической культуры XVII в.: задачей авторов было не создание оригинальной теории, а составление качественного учебного курса, опирающегося на устоявшийся образовательный стандарт и общий фонд итало-греческих лекционных материалов. Этот метод работы с источниками, однако, не помешал братьям создать пособие, по дидактической полноте превосходящее каждый из них: разработанная ими таксономия эпистолярных стилей является самой развернутой и методически проработанной во всем итало-греческом корпусе.

Ключевые слова: братья Лихуды, эпистолография, Славяно-греко-латинская академия, Андреас Пердзивалис, Феофил Коридаллевс, Псевдо-Деметрий, история образования в России

Информация об авторах: Лидия Валентиновна Спиридонова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт ФНИСЦ Российской академии наук, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Россия; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Поварская ул., д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0918-374X>

E-mail: lydia.spyridonova@gmail.com

Андрей Викторович Курбанов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт ФНИСЦ Российской академии наук, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Россия; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Поварская ул., д. 25 А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5441-9235>

E-mail: andrey.kurbanov@gmail.com

Для цитирования: *Спиридонова Л.В., Курбанов А.В.* Руководство по эпистолографии братьев Лихудов: источники и метод составления // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 398–429. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-397-428>

1. Корпус текстов итало-греческой школьной традиции

Руководство «О методе эпистолярных стилей» («Περὶ τῆς τῶν ἐπιστολικῶν χαρακτήρων μεθόδου»), составленное братьями Иоанникием и Софронием Лихудами для студентов Славяно-греко-латинской академии в 1687 г., сохранилось в двух списках конца XVII в.: петербургском (РНБ, Греч. 506) и афонском (Ивирон 98). Будучи первым систематическим курсом эпистолографии в России, этот текст представляет исключительный интерес для истории образования. Целью курса было обучение не навыкам бытовой или

деловой переписки, но искусству создания литературного письма — высокого жанра, требующего от автора эрудиции и стилистической изощренности.

В нашем предыдущем исследовании [1], посвященном публикации теоретического введения к трактату, было показано, что пособие Лихудов занимает особое место в традиции: оно концептуально отличается как от византийских письмовников, так и от современных ему западноевропейских руководств, обнаруживая при этом несомненное типологическое родство с кругом греческих учебных текстов XVI–XVII вв., авторы которых обучались в Италии. Эти итало-греческие руководства представляют собой примечательный культурный феномен: провозглашая возврат к аттической чистоте языка и классическим литературным образцам, они выстраивают обучение на методическом фундаменте, унаследованном от латинской гуманистической традиции. В основе подхода Лихудов и других авторов итало-греческих руководств лежит характерное для раннего Нового времени убеждение, что любое словесное искусство — будь то сочинение поэзии или написание изящных посланий — может быть разложено на рациональные правила. Творческое мастерство, ранее считавшееся уделом таланта или результатом долгого бессознательного усвоения, превращается здесь в ремесло, которому можно и нужно научить в классе. Ключевым инструментом этого превращения стала кодификация метода (*μέθοδος* / *methodus*) — понятия, не случайно вынесенного в заглавие труда Лихудов, а также других итало-греческих и латинских иезуитских руководств. Эпистолярное искусство в этой системе координат классифицируется по родам и стилям, а описание каждого отдельного стиля приобретает характер пошагового наставления, напоминающего кулинарный рецепт. Руководство Лихудов является одним из ранних и полных примеров рецепции этой модели.

Если принадлежность пособия Лихудов к итало-греческой традиции была показана нами ранее [1, с. 118–120], то вопрос о его конкретных источниках оставался открытым. Атрибуция источников эпистолярного руководства Лихудов сопряжена со значительными источниковедческими трудностями. Рассматриваемый корпус текстов формировался в специфической среде греческих дидакалов позднеренессансной и поствизантийской диаспоры, действовавших на пересечении нескольких педагогических центров: Папской греческой коллегии св. Афанасия в Риме (*Pontificium Collegium Graecum Sancti Athanasii*), основанной папой Григорием XIII в 1577 г. с тридентской миссией подготовки греко-католического клира для

православного Востока; Падуанского университета с его кафедрой греческого языка и неоаристотелевской философской школой, традиционно служившего альтернативным образовательным центром для православных греков; греческих учебных заведений Венеции, Хиоса и Афин; и впоследствии — перенесенной в Константинополь Патриаршей академии Феофила Коридаллевса, перестроенной по итальянскому образцу. Между этими центрами существовали теснейшие личные и текстуальные связи: одни и те же учителя последовательно или параллельно действовали в нескольких из них, ученики переходили от одного учреждения к другому, рукописные курсы перевозились. Именно это единство образовательной среды сделало возможным формирование общего корпуса педагогических текстов, к которому принадлежит и руководство братьев Лихудов.

Впервые на существование этого пласта учебной литературы указал М. Мануссакас в своей неопубликованной диссертации¹. Не имея доступа к большинству рукописных текстов и опираясь преимущественно на каталожные описания и печатное издание руководства Феофила Коридаллевса, он тем не менее обозначил контуры итало-греческой традиции и постулировал ее зависимость от итальянских риторических моделей. Продолжая его работу, мы можем детальнее реконструировать корпус текстов, хронологически предшествовавших труду Лихудов и обнаруживающих с ним генетическое или типологическое сходство.

Наш анализ свидетельствует о том, что центральным институциональным узлом этой традиции является Греческая коллегия св. Афанасия. С конца XVI в. (с 1591 г. неофициально и с 1599 г. официально) обучение в Коллегии строилось по иезуитской программе *Ratio studiorum*, в рамках которой написание писем составляло главное практическое упражнение классов гуманитарных наук и риторики. Это породило потребность в систематическом руководстве, адаптированном для нужд греческой школы. Однако выработанная здесь модель распространилась далеко за пределы Рима через выпускников и преподавателей Коллегии, прежде всего через Феофила Коридаллевса, который, продолжив образование в Падуе и впоследствии возглавив Патриаршую академию в Константинополе, переплавил коллегиальный учебный материал в падуанско-неоаристотелевском ключе и сделал его доступным для православного образовательного пространства. Параллельно греческие ученые, не учившиеся в Риме и связанные с другими итальянскими центрами (Падуя, Венеция,

¹ *Manoussacas M.* Contribution à l'étude de l'épistolographie néohellénique: Thèse pour le Doctorat d'Université. Paris: Sorbonne, 1951. XVII, 182 p. (Неопубликованная машинопись).

Пиза), также воспринимали и адаптировали аналогичную модель в собственной школьной практике.

Соответственно, найденные нами эпистолярные пособия распределяются по двум группам. К первой принадлежат тексты, созданные непосредственно в среде Коллегии св. Афанасия ее преподавателями и выпускниками; ко второй — руководства греческих ученых, отразивших итало-греческую педагогическую традицию вне непосредственной коллегиальной среды, в собственных школах. Внутри каждой группы пособия описываются в хронологическом порядке. Общие признаки, объединяющие весь корпус, и их источник будут рассмотрены в заключении настоящего раздела.

№ 1. «О том, как следует составлять послания» («Περὶ τοῦ πῶς χρὴ συντάττειν ἐπιστολάς») — анонимное сочинение из кодекса библиотеки Иерусалимского патриархата (Τιμίου Σταυροῦ 85, ff. 80–88). Рукопись представляет собой школьный сборник, который, помимо традиционных византийских грамматических и риторических текстов, включает обширный корпус эпистолярных и ораторских текстов авторов итало-греческой диаспоры XVI в., служивших образцами для подражания. Ряд признаков указывает на происхождение этого кодекса из среды Коллегии св. Афанасия. Круг адресатов неизменно отсылает к римской курии; так, в сборнике фигурируют римские кардиналы Сирлето и Карафа, покровительствовавшие Коллегии, а также римские папы. Авторы новых образцовых текстов являлись преподавателями Коллегии, в том числе Иоанн Бонафеде² и Феодор Рентий³; кроме того, в сборник вошли два ораторских текста первого выпускника и впоследствии преподавателя Коллегии Александра Кортесия⁴ — энкомий Афанасию Великому и речь в честь Григория Богослова. Выбор именно Афанасия Великого, не принадлежащего к числу распространенных объектов похвальных слов в грекоязычной словесности данного периода, объясняется привязкой ко дню патрона Коллегии. Все это позволяет связать происхождение кодекса с начальным периодом деятельности Коллегии. Сам трактат имеет небольшой объем и содержит краткое теоретическое введение, описание восьми базовых эпистолярных стилей с ответами, а также раздел о происхождении приветственных формул и стихотворную загадку о письме. Латинский, а не греческий, канон поставлен здесь

² *Τσιρπανλής Ζ.Ν.* Τὸ Ἑλληνικὸ Κολλέγιο τῆς Ῥώμης καὶ οἱ μαθητές του (1576–1700): Συμβολὴ στὴ μελέτῃ τῆς μορφωτικῆς πολιτικῆς τοῦ Βατικανοῦ. Θεσσαλονίκη: Πατριαρχικὸν Ἱδρυμα Πατερικῶν Μελετῶν, 1980. Σ. 57.

³ *Ibid.* Σ. 48.

⁴ *Ibid.* Σ. 250–254.

в качестве теоретического основания эпистолографии: центральное определение письма как разговора отсутствующих автор обосновывает двумя цитатами из Цицерона и парафразом 75-го письма Сенеки к Луцилию. Эта черта, наряду с малым числом стилей и простотой композиционной схемы, указывает на самый ранний этап коллегийальной традиции, когда греческая школа Коллегии еще опиралась преимущественно на латинскую риторическую базу. По своему характеру трактат, по-видимому, является школьным конспектом, фиксирующим преподавание того или иного учителя в сокращенной форме. По отношению к руководству Лихудов памятник представляет собой отдаленную предтечу: он принадлежит к раннему этапу той ветви традиции, через которую московский трактат связан со своим непосредственным структурным источником — «Кратким методом» Андреаса Пердзивалиса (см. ниже, № 4).

№ 2. «Синописис эпистолярного стиля» («Ἐπιστολικὸὺ χαρακτήρος σύνοψις») в списке Гиноса. Сочинение сохранилось в кодексе Vaticanus Barberinianus graecus 71 (ff. 46v–61v), переписанном писцом Гиносом (Γκίνος, от итал. Ghino)⁵. Как убедительно показал Л. Политис⁶, рукопись была создана в Италии не позднее 1596 г. «Синописис» содержит сжатое теоретическое введение и описание около десяти основных эпистолярных стилей с ответами; стили распределены по трем родам речи в соответствии с аристотелевской классификацией. По характеру текст принадлежит, наряду с трактатом из Τίτιου Σταυροῦ 85 (см. выше, № 1), к разряду анонимных школьных конспектов, бытовавших в итало-греческой среде конца XVI в.: оба сочинения лаконичны, анонимны, лишены образцов писем и входят в состав учебных сборников. В отличие от более ранней и теоретически более сырой записи Τίτιου Σταυροῦ 85, ориентированной на латинский канон, «Синописис» представляет полностью греческую и систематически структурированную стадию той же традиции: с оформленным прологом, аристотелевской таксономией и апелляцией к античным теоретикам эпистолографии (Артемону, Прокопию, Филострату, Деметрию Фалерскому). Уже Х. Рабе⁷ выявил текстуальные пересечения «Синописиса» с теоретическим введением к руководству Феофила Коридаллевса, определив его как непосред-

⁵ Γκίνος — совершенно не характерное для греческого языка имя, представляющее собой, по всей видимости, эллинизацию итальянского имени Ghino, поскольку диграфук в новогреческой орфографии регулярно используется для передачи итальянского велярного смычного [g].

⁶ Πολίτης Λ. Γκίνος ἱερεὺς καὶ οἰκονόμος Παῶγωνιανῆς // Ἑλληνικά. 1972. Т. 25. С. 117.

⁷ Rabe H. Aus Rhetoren-Handschriften. 9. Griechische Briefsteller // Rheinisches Museum für Philologie. 1909. Bd. 64. S. 289.

ственный прототип (Vorlage) последнего. Впоследствии М. Карпозилу, впервые издав «Синописис», детально проанализировала эту связь и пришла к более осторожному выводу: сочинение Коридаллевса и список Гиноса, по всей вероятности, опираются на общий, ныне утраченный архетип конца XVI в., который Гинос суммирует, а Коридаллевс перерабатывает и расширяет [4, 5]. То обстоятельство, что данный учебный материал бытовал в Италии в конце 1590-х гг., и что Коридаллевс, несколькими годами позже (в 1604–1608 гг.) учившийся в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, использовал те же или близкие материалы при написании собственного трактата, косвенно указывает на связь «Синописиса» с программой Коллегии на раннем этапе ее существования. По отношению к руководству Лихудов «Синописис» играет роль опосредованной предтечи: непосредственно братья его не использовали, однако через посредство «Изложения» Коридаллевса материал «Синописиса» вошел в их трактат.

№ 3. «Изложение об эпистолярных типах» («Ἐκθεσις περὶ ἐπιστολικῶν τύπων») Феофила Коридаллевса — фундаментальный труд крупнейшего представителя греческого неоаристотелизма XVII в. Биография Коридаллевса соединяет в себе оба главных образовательных центра рассматриваемой традиции: первоначально он учился в Коллегии св. Афанасия в Риме (1604–1608), а затем перешел в Падуанский университет (1609–1613), где учился под руководством Чезаре Кремонини и получил степень доктора философии. Впоследствии, возглавив Патриаршую академию в Константинополе, Коридаллевс внедрил итальянские методики в систему греческого православного образования, в том числе в преподавание эпистолографии.

При написании трактата Коридаллевс опирался на тот же круг учебных материалов, что лежит в основе «Синописиса» в списке Гиноса (см. выше, № 2), однако в отличие от анонимного конспекта подверг их существенной авторской переработке. Сюда входит расширение теоретического введения, увеличение числа стилей до шестнадцати, оснащение каждого стиля одним или несколькими образцами, включение в трактат подборки подлинных писем греческих ученых, действовавших в Италии в XVI–XVII вв., и, что особенно важно, проведение через весь материал жесткой аристотелевской рамки. Эта рамка, разработанная Коридаллевсом с привлечением «Риторики к Александру», «Никомаховой этики» и других аристотелевских текстов, выдает его падуанскую философскую формацию: «Изложение» — это точка, в которой римская коллегиальная учебная традиция соединяется с падуанским неоаристотелизмом. Тем самым

«Изложение» переводит конспективный учебный материал в формат полноценного авторского курса, подготовленного для распространения. В этом виде оно закрепило академический канон преподавания греческой эпистолографии на два века вперед. Лондонское издание 1625 г. и последующие переиздания обеспечили трактату широкое распространение в печатной форме; параллельно в педагогической практике Востока продолжали циркулировать многочисленные рукописные списки, свидетельствующие о популярности курса. По отношению к руководству Лихудов «Изложение» является непосредственным источником теоретических определений и значительной части корпуса образцовых писем.

№ 4. «Краткий метод, как следует составлять послание» («Βραχέα μέθοδος πῶς δεῖ συντάττειν ἐπιστολήν») Андреаса Пердзивалиса — выпускника, докторанта и преподавателя Коллегии св. Афанасия⁸. Руководство, составленное в Риме в 1624 г., представляет собой наиболее структурированный и методически проработанный вариант учебника итало-греческой традиции, содержащий теоретическое введение и описание двадцати одного стиля с образцовыми ответами. От Коридаллевса Пердзивалис отличается тем, что выстраивает каждый стиль как нумерованную схему (α' – β' – γ' или α' – δ'), превращая риторическое описание в практический алгоритм составления, и в этом смысле является, по-видимому, наиболее школьно-методическим текстом всего корпуса. Подобно Коридаллевсу, Пердзивалис распределяет стили по трем аристотелевским родам речи, систематически снабжает их образцами и приводит расширенный набор античных и византийских теоретических авторитетов (Аристотель, Деметрий Фалерский, Филострат, Григорий Богослов, Синесий, Лукиан). С трактатом из Τιμίου Σταυροῦ 85 «Краткий метод» обнаруживает ряд параллельных топосов (стихотворная загадка о письме, лукиановский каталог приветствий, общий состав основных стилей), что подтверждает их принадлежность к одной коллегиальной педагогической линии. Текст не был издан типографским способом, однако его широкая циркуляция подтверждается географией сохранившихся ранних списков⁹. Особое

⁸ *Τσιρπανλής Ζ.Ν.* Τὸ Ἑλληνικὸ Κολλέγιο τῆς Ῥώμης καὶ οἱ μαθητές του (1576–1700)... Σ. 449–450.

⁹ Мы смогли идентифицировать следующие списки сочинения Андреаса Пердзивалиса: Палермо, BCRS, VII.A.6, ff. 1–24 (автограф 1624 г.); Афины, ΕΒΕ 2306, ff. 5–29 (список 1625 г.); Бухарест, BAR, gr. 112 (= 530), pp. 1–67 (венецианский список 1666 г.); Иерусалим, Πατριαρχική Βιβλιοθήκη, Αρ. Σάββα 619, ff. 1–32 (акефальный список 1642 г., ошибочно атрибутированный А. Пападопуло-Керамевсом Иоанну Кариофиллу, см.: *Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α.* Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη ἥτοι Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς Βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου Πατριαρχικοῦ

значение для настоящего исследования имеет петербургский список БАН, РАИК 179, ff. 22v–40v. По отношению к руководству Лихудов «Краткий метод» Пердзивалиса является непосредственным структурным источником.

№ 5. «Краткий метод о письмах и эпиграммах» («Σύντομος μέθοδος περὶ ἐπιστολῶν καὶ ἐπιγράμμάτων») греческого иезуита Димитрия Пепаноса. Автор (1621 – после 1696) окончил Коллегию св. Афанасия¹⁰, преподавал в ней, а впоследствии основал собственную филологическую школу в Афинах. Руководство сохранилось в рукописи из Патриаршей библиотеки Александрии № 127 (297), переписанной в Египте в 1686 г. будущим александрийским патриархом Самуилом Капасулисом. М. Мануссакас предварительно атрибутировал сочинение самому Капасулису или связывал его с кругом Иоанна Кариофилла¹¹. Однако описание С. Ламбросом афонской рукописи из монастыря св. Пантелеимона № 827 (Lambros 6334), содержащей тот же текст, позволяет атрибутировать его Димитрию Пепаносу. Следует оговориться, что, в отличие от прочих текстов, проанализированных в настоящей работе, обе рукописи нами непосредственно не изучались; наши выводы основываются на каталожных описаниях и сведениях, приводимых М. Мануссакасом¹².

Памятники, отразившие итало-греческую педагогическую традицию вне непосредственной коллегиальной среды.

№ 6. «Синописис об эпистолярной композиции» («Σύνοψις περὶ ἐπιστολικῆς συνθέσεως») Георгия Корессия (ок. 1570–1659/1660). Трактат сохранился в рукописи № 86 (788)¹³ афонского монастыря Ксенофонт (ff. 2r–28r) [7, σ. 398–405]. Корессий получил образование в Падуанском университете и в 1609–1615 гг. занимал кафедру древнегреческого языка в Пизанском университете, затем возглавил собственную школу на Хиосе. В своем труде он предлагает оригинальную, детализированную классификацию эпистолярных

Θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων Ἑλληνικῶν κωδίκων. Т. 1–5. Πετροῦπολις: Τύποις Β. Κηρσβάνου, 1891–1915. Т. 2. Σ. 617); Афины, ΕΒΕ, ΜΠТ 261, ff. 16–48 (список 1682 г.).

¹⁰ Τσιρπανλῆς Ζ.Ν. Τὸ Ἑλληνικὸ Κολλέγιο τῆς Ρώμης καὶ οἱ μαθητὲς του (1576–1700)... Σ. 535–537. (№ 426).

¹¹ Manoussacas M. Contribution à l'étude de l'épistolographie néohellénique... Р. 81.

¹² Lambros S.P. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Vol. 1–2. Cambridge: Cambridge University Press, 1895–1900. Vol. 2. Р. 441; Μοσχονάς Θ. Πατριαρχεῖον Ἀλεξανδρείας. Κατάλογοι τῆς πατριαρχικῆς βιβλιοθήκης. Τόμος Α': Χειρόγραφα. Ἀλεξάνδρεια: Πατριαρχεῖον Ἀλεξανδρείας, 1945. Σ. 83–84; Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Σημειώσεις περὶ τοῦ πατριάρχου Ἀλεξανδρείας Σαμουὴλ Καπασούλη // Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας τῆς Ἑλλάδος. 1889. Т. 3. Σ. 505; Χαριτάκης Γ. Κατάλογος τῶν χρονολογημένων κωδίκων τῆς πατριαρχικῆς βιβλιοθήκης Καΐρου // Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1927. Т. 4. Σ. 166–167, 173–174.

¹³ Lambros S.P. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos... Vol. 1. Р. 71.

жанров со множеством уникальных подтипов (например, «увенчивающий» — στεφανωτικός, «приветственный при прибытии» — ἐπιβατήριος, «свадебный» — ἐπιθαλάμιος). По отношению к руководству Лихудов «Синописис» Корессия представляет собой типологическую параллель, не связанную с московским трактатом отношениями прямой зависимости, но иллюстрирующую самостоятельную ветвь итало-греческой эпистолярной педагогики.

№ 7. «Об эпистолярном стиле» («Περὶ ἐπιστολιμαίου χαρακτῆρος») Герасима Влаха. Неизданное руководство учителя братьев Лихудов было составлено в венецианский период его творчества¹⁴. Влах был главой греческой школы Венеции, которая осознавалась современниками как православная альтернатива Коллегии св. Афанасия, позволявшая грекам получать образование, не подвергаясь давлению со стороны иезуитов; методы преподавания в этой школе при этом были тесно связаны с римским стандартом. Текст руководства Влаха сохранился в рукописях: Афины, ЕВЕ, МПТ 184, ff. 346–384; Бухарест, BAR, gr. 674 (= 184), ff. 125–148; Синай, Sinaiticus gr. 1983 (только начало). Сочинение прямо следует традиции Коридаллевса: номенклатура большинства эпистолярных стилей совпадает, хотя приводятся они в иной последовательности и более структурированно, а эпистолярные образцы, восходящие к Коридаллеву, подвергаются переработке. Кроме того, руководство Влаха, подобно печатному изданию Коридаллевса, включает подлинную переписку греческих ученых, действовавших в Италии в XVII в. [6]. Вместе с тем наблюдаются различия в манере изложения: если Коридаллевс дает связное описание признаков каждого стиля, то Влах прибегает к их внутренней рубрикации, что сближает его руководство с другими ранними пособиями этой же традиции — пособием Андреаса Пердзивалиса и трактатом Франциска Скуфоса «О сочинении писем». По отношению к руководству Лихудов трактат Влаха представляет особый интерес ввиду того, что Влах был непосредственным учителем московских составителей.

№ 8. «Об эпистолярных стилях» («Περὶ τῶν ἐπιστολικῶν χαρακτήρων») — анонимное сочинение в рукописи БАН, РАИК 179 (ff. 40v–49r), в кодексе, содержащем также «Краткий метод» Андреаса Пердзивалиса (см. выше, № 4). Трактат содержит развернутое теоретическое введение и описание четырнадцати эпистолярных стилей. Автор систематически приводит ответные письма, но применяет этот принцип осмысленно, а не механически,

¹⁴ Τατάκης Β. Γεράσιμος Βλάχος ὁ Κρής (1605/7–1685), φιλόσοφος, θεολόγος, φιλόλογος. Βενετία: Ἑλληνικὸ Ἰνστιτοῦτο Βυζαντινῶν καὶ Μεταβυζαντινῶν Σπουδῶν, 1973. Σ. 285.

как Пердзивалис и Лихуды: смежные стили объединяются, а в тех случаях, когда жанры дублируют друг друга, ответ опускается вовсе. На л. 43г, аргументируя доступность образования, автор ссылается на новые реалии своего времени: повсеместные школы, публичных профессоров (*δημόσιοι καθηγηταί* — явная калька с лат. *professores publici*) и общедоступность недорогих печатных книг. Ввиду последнего обстоятельства автор систематически цитирует с точными нумерационными отсылками письма Фалариса, Синесия, Прокопия Газского, Юлиана, Аполлония Тианского, Григория Богослова, Василия Великого, Либания, Псевдо-Брута, что предполагает работу учеников с печатным эпистолярным сборником «*Ἐπιστολαὶ διαφόρων φιλοσόφων, ῥητόρων, σοφιστῶν*» Альда Мануция 1499 г. (или его женеvской перепечаткой 1606 г.). Философский аппарат трактата является традиционно аристотелевским, однако в него встроено нигде больше не встречающееся соотнесение трех аристотелевских родов речи с трехчастным делением души из «Государства» Платона. Язык трактата отличает также наличие неоплатонической лексики.

Все перечисленные руководства, включая пособие братьев Лихудов, объединяет ряд устойчивых топосов и методических приемов: определение письма как «беседы отсутствующего с отсутствующим» (*ἀπόντος πρὸς ἀπόντα διάλεξις*) с идентичным объяснением терминов *ἐπιστολή* и *ὑράμμα*; применение в эпистолографии четырехчастной структуры ораторской речи, заимствованной из традиции *ars dictaminis*; использование стандартизированных каталогов приветствий и прощаний, авторами возводимых к Платону, Эпикуру, Пифагору и Клеону, фактически же восходящих к трактату Лукиана «*Pro lapsu inter salutandum*»; апелляция в вопросах стиля к авторитетам Григория Богослова и Филострата. Ключевым структурообразующим принципом является классификация эпистолярных стилей (*χαρακτήρες*) в соответствии с тремя аристотелевскими родами риторики — совещательным, судебным и эпидейктическим, что было характерно и для ряда итальянских письмовников.

Значительная часть этих особенностей, отличающих итало-греческие пособия от византийских, восходит к педагогической модели Общества Иисуса конца XVI в. Подобный набор специфических признаков обнаруживается уже в иезуитском учебнике по эпистолографии того периода — трактате «*De ratione conscribendi epistolas*» (1578) одного из ведущих иезуитских теоретиков Иоанна

Воэллуса (Joannes Voëllus) [3]. Через Коллегию св. Афанасия, усвоившую и адаптировавшую иезуитскую дидактическую модель для греческой аудитории, эта традиция была передана составителям итало-греческих руководств — как непосредственно через выпускников Коллегии (Коридаллевс, Пердзивалис, Пепанос), так и опосредованно через греческие образовательные центры, связанные с коллегиальной средой посредством ее выпускников или благодаря общей интеллектуальной сети (Падуя, Венеция, Хиос, Афины, Константинополь). Часть же общих топосов корпуса не выводится из иезуитского посредничества: они являются достоянием византийской и общеевропейской риторической традиции и могли усваиваться греческими дидасками через прямое знакомство с античными источниками.

Наличие столь обширного пласта общих признаков свидетельствует о единой школьной традиции, что само по себе осложняет поиск прямых источников руководства братьев Лихудов: значительная доля совпадений объясняется принадлежностью руководств к одному дидактическому руслу. Тем не менее сравнительный анализ позволяет утверждать, что братья Лихуды не только работали в контексте этой традиции и воспроизводили ее многочисленные программные топосы, но и опирались на два конкретных произведения из описанного корпуса: «Краткий метод» Андреаса Пердзивалиса, послуживший структурной основой их руководства, и «Изложение» Феофила Коридаллевса, ставшее источником теоретических определений и образцовых писем. Обоснованию этого тезиса посвящены следующие два раздела.

2. «Краткий метод» Андреаса Пердзивалиса

Определяющую роль в формировании курса Лихудов сыграло неопубликованное руководство «Краткий метод, как следует составлять послание» («Βραχὴα μέθοδος πῶς δεῖ συντάττειν ἐπιστολήν»). Его автор, Андреас Пердзивалис (ок. 1599–1669), был уроженцем Ситии (Крит), получил образование в Коллегии св. Афанасия в Риме (1617–1628), где прошел полный курс гуманитарных и богословских дисциплин, там же защитил докторскую диссертацию и шесть лет преподавал риторику. В 1629 г. он вступил в Общество Иисуса и затем на протяжении сорока лет преподавал в иезуитских коллегиях Сицилии. Принадлежность к ордену наложила отпечаток на его педагогический метод, который характеризовался ориентацией на строгую дидактику, фрагментацией материала на минимальные

логические единицы и интеграцией теоретических предписаний с практическими упражнениями.

2.1. Идентификация петербургского списка (БАН, РАИК 179)

Рукописное наследие Пердзивалиса, хранящееся преимущественно в Центральной библиотеке Палермо (*Biblioteca centrale della Regione siciliana [BCRS]*), было описано Раффаэле Кантареллой¹⁵. Особый интерес представляет автограф VII.A.6 — учебный компендиум 1624 г. (написанный в то время, когда он преподавал в Коллегии), включающий руководство по эпистолографии, комментарий к прогимнастам Афтония и курс риторики — дисциплины, которые, судя по всему, преподавались именно в такой последовательности. Точно такой же учебный комплекс содержится в печатном пособии Феофила Коридаллевса (1625), о котором речь пойдет ниже.

Текст эпистолярного курса Пердзивалиса, судя по количеству дошедших рукописей (см. § 1, примеч. 9), был весьма популярен. Среди них оказался анонимный петербургский список в эпистолярном сборнике XVII в. из Библиотеки Российской академии наук (Собрание Русского археологического института в Константинополе [РАИК], № 179, ff. 22v–40v)¹⁶. Сопоставление описания палермского автографа с этим анонимным текстом позволило идентифицировать петербургский список как полную копию руководства Пердзивалиса. Наш вывод базируется на трех основаниях: текст в РАИК 179 открывается фразой «Φιλῆι τὸ σοφὸν ζῶον...», полностью соответствующей инципиту автографа, зафиксированному Кантареллой¹⁷; последова-

¹⁵ Cantarella R. P. Andrea Perzival S.J. (Sitia Creta 1599 — Palermo 1669). Contributo alla storia degli studi Greci in Italia nel s. XVII // Μύσων. 1932. Т. 1. Р. 89–128.

¹⁶ Рукопись содержит риторический трактат и три анонимных трактата по эпистолярному искусству (текст, отождествляемый с руководством Андреаса Пердзивалиса; анонимное сочинение, описанное нами выше под № 8; и византийскую адаптацию пособия Псевдо-Либания), а также коллекцию образцов писем Либания и новогреческих авторов. Сборник писан четырьмя писцами. На л. 1 кодекса сохранилась владельческая помета: «Παύλου Влаστάρη Λεσβίου 1673 νοεμβρίου 23» (Павла Властаря с Лесбоса, 23 ноября 1673 г.; в каталоге коллекции дата и имя прочитаны ошибочно); см. описание: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л.: Наука, 1973. Т. 5: Греческие рукописи / сост. И.Н. Лебедева. С. 135; Фончик Б.Л. Рецензия на: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 5: Греческие рукописи // Византийский временник. 1977. Т. 38 (63). С. 220; см. также [2, с. 163–164]. Известно несколько кодексов с аналогичными пометами; кодекс из собрания Греческого филологического общества в Константинополе (ныне Анкара, Türk Tarih Kurumu) № 89 (132) (см. описание: Σάρρος Δ.Μ. Κατάλογος τῶν χειρογράφων τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικοῦ Φιλολογικοῦ Συλλόγου // Ἐπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1931. Т. 8. Σ. 157) свидетельствует, что в это время мигиленец Павел Властарь жил в Константинополе и приобретал подобные сборники. По всей видимости, рассматриваемая рукопись циркулировала в интеллектуальной среде Константинополя.

¹⁷ Cantarella R. Andrea Perzival S. J... Р. 98.

тельность и названия глав теоретического введения и перечень эпистолярных типов буквально воспроизводят оглавление палермского кодекса; наконец, текст раздела о месяцах (Περὶ τῶν παρ' Ἀθηναίους μηνῶν...) демонстрирует полную идентичность с фрагментом автографа, опубликованным М. Катапотисом¹⁸. Соотношение объемов основной части и теоретического введения в обеих рукописях совпадает, что исключает какие-либо существенные сокращения. Петербургский список имеет принципиальное значение для настоящего исследования, поскольку именно этот текст был доступен нам для полного сопоставления.

Далее мы вводим следующие сиглы для цитируемых рукописей: **P** = Санкт-Петербург, БАН, РАИК 179 (Андреас Пердзивалис); **I** = Афон, Ивиرون 98 (Братья Лихуды); **R** = Санкт-Петербург, РНБ, Греч. 506 (Братья Лихуды).

2.2. Текстуальная зависимость в теоретическом введении

Ряд элементов теоретического введения — определение письма как «беседы отсутствующего с отсутствующим», этимология термина ἐπιστολή, четырехчастная структура послания — принадлежит к общим местам итало-греческой традиции и сам по себе не может служить доказательством зависимости от конкретного источника. Однако уже раздел о четырех частях письма (προοίμιον, διήγησις, βεβαίωσις, ἐπίλογος) обнаруживает характерную текстуальную близость: вводная формулировка «Τινὲς τῶν ἐπιστολῶν ταῦτα (+τοι IR) ἔχουσι μέρη ἅλα καὶ ὁ λόγος (Некоторые из писем имеют те же части, что и речь)» (P, f. 23v; I, f. 73v; R, f. 1v) воспроизведена у Лихудов практически без изменений, определения всех четырех частей совпадают, а тезис о том, что полная структура присуща лишь посланиям «о великих делах», передан дословно: «ἐκ τούτων τοίνυν (τοίνυν от IR) τῶν μερῶν συνίσταται οὐ πᾶσα (οὐ πᾶσα συνίσταται IR) ἐπιστολή, ἀλλ' ἥτις περὶ πραγμάτων μεγάλων τὴν ὑπόθεσιν ἔχει (из этих частей, стало быть, состоит не всякое послание, но лишь то, которое имеет предметом великие дела)» (P, f. 23v; I, f. 73v; R, f. 1v). Столь же близко воспроизведено рассуждение о случаях, когда прозритель может быть опущен, — «ὅτε περ ὁ γράφων ἀλλοίωσιν τινα τῆς ψυχῆς ἐμφαίνει, οἷόν ἐστιν ὁ ὑπερῆδόμενος, ὁ λυπούμενος, ὁ θαυμάζων, ὁ θυμῷ ζέων (ζῶν IR) (когда пишущий обнаруживает некое изменение [состояния] души, каковы: преисполненный радости, скорбящий, изумленный,

¹⁸ Καταπότης Μ. Ανδρέας Περτζιβάλης // Μύσων. 1932. Τ. 1. Σ. 147–149.

кипящий гневом)» (P, f. 23v; I, f. 74r; R, f. 2r), — за которым в обоих текстах следует одна и та же цитата из 6-го письма Синесия к Анисию в идентичном контексте.

Наиболее показательные совпадения сосредоточены в главе о стиле. Цитата из Григория Богослова о длине письма вводится обоими авторами с одним и тем же эпитетом: «Φησὶν ὁ τῆς ἐκκλησίας στῦλος Γρηγόριος, ὅτι τὸ μῆκος τῆς ἐπιστολῆς πράγμασιν ἀλλ' οὐ γράμμασι κρίνεται (Говорит столп Церкви Григорий, что длина письма определяется содержанием, а не [количеством] букв)» (P, f. 24r; I, f. 75r; R, f. 2v). Следующее за ней рассуждение о лаконизме содержит характерное сочетание редких лексем — *λακωνισμός*, *Θερσίτης*, *ἀπεραντολογῶν* — в идентичном контексте предостережения от многословия; совпадение столь специфического набора исключает возможность независимого заимствования из общего источника. Пассаж о соотношении обычных и метафорических выражений воспроизведен дословно на протяжении нескольких строк, вплоть до заключительной сентенции «τὸ γὰρ μέτριον ἐφ' ἅπασιν ἄριστον (ибо мера во всем — наилучшее)» (P, f. 24r–v; I, f. 75v; R, f. 2v). Цитата из Филострата о ясности как «добром вожде всякой речи» (P, f. 24v; I, f. 75v; R, f. 2v), предписание о внимании к происхождению, образованию, возрасту и достоинству адресата (P, f. 24v; I, f. 76r; R, f. 2v), рекомендация о цитировании поэтов с редким выражением «διατεθρυλλημένων ὀδοποιῶν» (P, f. 24v; I, f. 76r; R, f. 2v) — все это воспроизведено с точностью, не оставляющей сомнений в прямом заимствовании. Заключительный раздел введения — обоснование применения трех родов риторики к эпистолографии — обнаруживает ту же картину: определение риторики идентично («ῥητορικὴ ἐστὶ δύναμις τεχνικὴ πιθανοῦ λόγου ἐν πράγματι πολιτικῷ, τέλος ἔχουσα τὸ εὖ λέγειν [риторика есть искусная способность убедительной речи в гражданском деле, целью имеющая красноречие]», P, f. 27r; I, f. 82r; R, f. 6r), а обоснование применения триады воспроизведено с единственным синонимичным разночтением в финальном глаголе (*ἀπολογία*ν *προτείνομεν* — *ἀπολογούμεθα*).

При столь высокой степени текстуальной близости теоретических введений Лихуды тем не менее не ограничивались механическим копированием, но подвергли текст Пердзивалиса последовательной переработке. Прежде всего они произвели существенные сокращения, удалив пространный проэпий о соотношении природы и искусства (P, f. 22v), стихотворную загадку о письме (P, f. 23r) и рассуждение о роде и видовом отличии по Аристотелю.

Наряду с сокращениями Лихуды перестроили порядок изложения и ввели новый материал. Раздел об эпистолярных приветствиях

и прощениях, расположенный у Пердзивалиса в конце главы о стиле (P, ff. 24v–25r), был перенесен в начало, непосредственно после определения (I, ff. 72v–73r; R, f. 1r–v), и существенно расширен. Кроме того, они добавили прикладной раздел, полностью отсутствующий у Пердзивалиса: образцы титулования православных патриархов, митрополитов, архиепископов, епископов, игуменов, а также русских царей Иоанна и Петра Алексеевичей (I, f. 80v; R, f. 5r).

2.3. Текстуальная зависимость в описании эпистолярных стилей

Если в теоретическом введении Лихуды преимущественно сокращают и перефразируют текст Пердзивалиса, то в практической части, посвященной отдельным эпистолярным стилям, зависимость обнаруживается еще нагляднее: здесь встречаются протяженные дословные совпадения, охватывающие сложные синтаксические конструкции и развернутые риторические периоды. Особенно показателен раздел о дружеском стиле (φιλικὸς χαρακτήρ), где пассаж воспроизведен Лихудами почти без изменений:

εὐθὺς τοίνυν φιλικὸν ἐπιστόλιον συντάξει πειρωμένοι παρὰσ-
κεύασομεν τὸ πρόσωπον πρὸς ὃ γράφομεν εὖνουν ἡμῖν, ἀνυμνοῦντες τὰς
αὐτοῦ ἀρετὰς, καὶ τὸ τῆς σοφίας ὑπερφυῆς, καὶ θεσπέσιον, ὅπερ πάντας
ἀνθρώπους (+λογικωτέρους IR) δρᾷ, οἷον καὶ ἡ Ὀρφέως λύρα τοὺς θῆρας,
καὶ Ἡρακλεία λίθος τὸν σίδηρον ἔλκει... ὅθεν καὶ ἡμεῖς ἐαλωκότες
ἔρωτι τῶν αὐτοῦ φιλοκάλων ἡθῶν, ἀκιβδήλως ἐρᾶν τῆς ἐκείνου ψυχῆς
ἐπειρόμεθα (P, f. 30v; I, ff. 91v–92r; R, f. 11r)¹⁹.

Здесь воспроизведена вся синтаксическая конструкция с характерной цепочкой образов (мудрость, привлекающая людей подобно лире Орфея и Гераклеяскому камню) вплоть до заключительной фразы о «плененности любовью к прекраснлюбивым нравам», что исключает возможность независимого обращения к общему архетипу.

Прямое заимствование подтверждается совпадением не только авторского текста, но и ссылочного аппарата. В разделе об увещательном стиле (νουθετικός) оба автора одинаковым образом ссылаются на «Бусирис» Исократы, сопровождая цитату медицинской

¹⁹ «Итак, приступая к составлению дружеского послания, мы тотчас расположим к себе лицо, которому пишем, воспевая его добродетели и тот сверхъестественный и дивный дар мудрости, который делает людей разумнее, подобно тому как лира Орфея чарует зверей, а Гераклеяский камень притягивает железо. Оттого и мы, плененные любовью к его прекраснлюбивым нравам, стремимся искренне любить его душу».

метафорой, уподобляющей похвалу лекарству (φάρμακον), смягчающему горечь упрека:

ὥς ἔφη καὶ Ἰσοκράτης ἐν τῷ Βουσίριδος. τὸ γοῦν τῆς ἐπιτιμήσεως αὐστηρὸν, τοῖς ἐπαίνοις ὥσπερ φαρμάκοις... μιμούμενος τοὺς τὴν φαρμακείαν τοῖς κάμνουσι, καὶ νοσοῦσι ὀρέγοντας (P, f. 33v; I, f. 145r–v; R, ff. 30v–31r)²⁰.

В разделе о просительном стиле (ἀξιωματικός) оба текста используют тождественную формулу со ссылкой на Пифагора: «ὁ λόγος ἐκ τῶν τοῦ Διὸς δέλτων ὁ φίλος ἄλλος ἐγὼ, καὶ κοινὰ τὰ τῶν φίλων εἶπεν ὁ Σάμιος (Слово сие — из скрижалей Зевсовых: “друг — это второй я”, и “у друзей все общее”, как сказал Самосец [Пифагор])» (P, f. 30v; I, f. 118v; R, f. 23r). Не менее показательно совпадение в разделе об аллегорическом стиле (ἀλληγορικός), где оба автора воспроизводят пассаж из трактата Деметрия Фалерского «О стиле» с хрестоматийным примером о цикадах:

μεγαλεῖον γάρ (+τι IR) ἐστὶν ἡ ἀλληγορία κατὰ τὸν Φαληρέα, καὶ μάλιστα ἐν ταῖς ἀπειλαῖς, οἷον ὡς ὁ Διονύσιος ὅτι οἱ τέττιγες (τέττερες R) αὐτοῖς ἄσσονται χαμόθεν... πᾶν γὰρ τὸ ὑπονοούμενον φοβερώτερον... τὰ μυστήρια ἐν ἀλληγορίαις λέγεται πρὸς ἐκπληξιν, καὶ φρίκην, ὅθεν καὶ τὴν ἀλληγορίαν τῇ νυκτὶ παρεικάζουσι (P, f. 31v; I, f. 132v; R, f. 25r–v)²¹.

Текстуальная близость прослеживается и в разделах, где буквальные совпадения менее протяженны, но структурные и лексические параллели не оставляют сомнений в заимствовании. В порицающем стиле (ψεκτικός) Лихуды полностью перенимают трехчастную композиционную схему Пердзивалиса (P, f. 28v–29r; I, ff. 103v–104v; R, f. 17r): снискание благосклонности, изложение обвинений «со сдержанностью и достоинством» (μετὰ σωφροσύνης καὶ σεμνότητος), финальная просьба о снисхождении к резкости письма. В насмешливом стиле (τῶθαστικός) маркером заимствования служит редкий глагол μετοχετεύω ‘отводить русло’, употребленный метафорически в значении ‘переводить речь на другой предмет’ (P, f. 29v; I, f. 111r;

²⁰ «Как сказал и Исократ в [речи] “Бусирис”. Поэтому суровость упрека [следует смягчать] похвалами, словно лекарствами... подражая тем, кто подает целебное лекарство больным и недужным».

²¹ «Ибо аллегория, по словам Фалерца, величественна, и в особенности в угрозах: как, например, Дионисий [сказал], что цикады запоют у них с земли... Ибо все подразумеваемое внушает большой страх... тайства изрекаются в аллегориях для [внушения] изумления и трепета, оттого аллегорию и уподобляют ночи». Фрагмент цитирует «De elocutione», § 99. Изд. см.: Demetrios Phalereus qui dicitur de elocutione libellus / ed. L. Radermacher. Leipzig: Teubner, 1901. P. 25.

R, f. 20v). В ироническом стиле (εἰρωνικός) оба автора используют специфическую формулировку, предостерегающую от неумелой иронии, дабы пишущий не был уличен в «явном и театральном злодейании» (ἀναφανδὸν καὶ θεατρικῶς κακούργων; P, f. 31r; I, f. 113v; R, f. 21v). В повествовательном стиле (διηγηματικός) дословно, вплоть до частиц, воспроизведена сентенция: «...ἄλλως τε, καὶ ἐπεὶ ἔργον ἀγαθοῦ πολίτου νενόμισται τὰ κατὰ πολιτείας καὶ πόλεις συμβαίνοντα διαπορθμεύειν τοῖς φίλοις... (тем более что делом доброго гражданина почитается передавать друзьям о том, что происходит в государствах и городах)» (P, f. 29v; I, f. 114v; R, f. 22r) — формулировка, сочетающая античный идеал гражданина с практикой частной переписки и не принадлежащая к числу расхожих общих мест. В уничижительном стиле (διασυρτικός) перенята характерная для Пердзивалиса дихотомия стратегий в зависимости от расположения адресата — εὐμενής или δυσμενής, — отсутствующая в античных письмовниках (P, f. 38v; I, f. 159v; R, f. 37v). Наконец, общий стиль (κοινὸς τύπος) демонстрирует идентичное структурное членение и воспроизводит поэтическую формулировку о письме как «душе друзей» с двумя минимальными модификациями: заменой τριπλὴν на синонимичное τριττὴν и опущением вводного ὥς φάτο:

Τριπλὴν (Τριττὴν IR) ὥς ἐν κεφαλαίῳ εἰπεῖν διαθήσεται τὴν διαίρεσιν... ψυχὴ γάρ ἐστιν, ὥς φάτο (ὥς φάτο om IR), τοῖς φίλοις τῶν φίλων τὰ γράμματα, καὶ ὀφθαλμῶν καὶ πασῶν τῶν αἰσθήσεων ἑορτὴ καὶ πανηγύρις (P, f. 39r; I, ff. 167r–168r; R, f. 40r–v)²².

Раздел о побудительном стиле (προτρεπτικός) содержит восхваление добродетели (ἀρετή), в котором оба автора используют один и тот же ряд исторических примеров и мифологических аллюзий:

τὴν μὲν γὰρ τῶν (τῶν om IR) ἀθηναίων δημοκρατίαν καὶ λακεδαίμονίων ἀριστοκρατίαν οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὴν ῥωμαίων πολιτείαν ἄριστα καὶ ὑπερφυῶς κατεκάλλυνε, καὶ μέχρι τοῦ ὠκεανοῦ καὶ τῆς γῆς τῶν γαδεύρων, τῆς ἀρχῆς τοὺς ὄρους ἐξέτεινε... ὁ δ' ἀρετῇ κεκοσμημένος εὐπετῶς ἑαυτὸν ἀπαλλάξει τῆς βλάβης, καὶ εὐμαρῶς ὑπερπηδήσει τὰ θέλγητρα ὥς Ὀδυσσεὺς τὰς Σειρήνας, καὶ τὸν λωτόν (P, f. 32r–v; I, ff. 137r–138r; R, f. 27v)²³.

²² «Говоря вкратце, он установит тройное деление... ибо письма друзей — это душа для друзей, как сказал [поэт] (у Лихудов опущено), праздник и торжество для глаз и для всех чувств».

²³ «Ибо она [добродетель] превосходно и дивно украсила афинскую демократию и лакедемонскую аристократию, да и римское государство, и раздвинула пределы их

Важная структурная особенность, заимствованная Лихудами у Пердзивалиса, — это наличие при каждом стиле разделов с образцами ответных писем (Απάντησις или Αμοιβή). Эта черта, отсутствующая в античных письмовниках, составляет характерную принадлежность методики Пердзивалиса. Разделы с ответными письмами также демонстрируют текстуальную зависимость. В ответе на поздравительный стиль (συγχαριστικός) оба текста воспроизводят развернутую метафору о письмах друга с нетипичной парой Тесея и Эвриала вместо традиционных пар Тесея с Пирифоем и Ниса с Эвриалом:

τὰ ἐκείνου γράμματα τὴν εὐπομίαν ὑπερέσχε, καὶ χαλκείους οὖσι τοῖς ἡμετέροις, χρυσὸν ἐπιτίκτουσιν (ἀποκτοῦσιν IR). ὅθεν ἐπ' ἐκείνοις μέγα μόνον φρονοῦμεν, καὶ εὐδαίμονες εἶναι νομίζομεν... θαυμαστὸν οὐδὲν, εἰ πράγματα διὰ φιλίαν ὑπομένει τοῖς ἡμετέροις συντερπόμενος. καὶ τὰ κινδύνων γέμοντα φέρων, καθάπερ Θησεὺς καὶ Εὐρύαλος (P, f. 28r–v; I, ff. 101v–102r; R, f. 16r)²⁴.

Если теоретическая часть утешительного стиля (παρὰμυθητικός) у Лихудов опирается на Коридаллевса (см. раздел 3), то в разделе «Ответ на утешение» они переключаются на Пердзивалиса, воспроизводя метафору об испытании дружбы, восходящую к античному представлению о том, что орлы проверяют подлинность своих птенцов, заставляя их смотреть на солнце: «...οἷον βασανίζουσι καὶ ἡλιακαὶ ἀκτῖνες τοὺς τῶν ἀετῶν (ἀετῶν PI ἑαυτῶν R) νεοσσούς...» (P, f. 35v; I, f. 144r; R, f. 30v).

Оба руководства завершаются практически тождественной формулой, препоручающей дальнейшее развитие метода «плодовитому уму» читателя. Лихуды внесли единственное разночтение, заменив императив ἀρκεῖτω 'пусть будет довольно' индикативом ἀρκεῖ 'довольно':

καὶ ταῦτα μὲν περὶ ἐπιστολῶν ἀρκεῖτω (ἀρκεῖ IR) τῶν γὰρ ἄλλων τύπων ὅσους οἶδεν ὁ χρόνος ἐξενεγκεῖν ὁ γεννητικός νοῦς εὐθὺς ἐκφύσει, καὶ μέθοδον τὸν χρόνον ἐπισκοπῶν, καὶ ὑπὸ τῶν περιστάσεων τῶν πραγμάτων ὁδηγούμενος (P, f. 39v; I, f. 169r; R, f. 41r)²⁵.

владычества вплоть до Океана и земли Гадир [Кадиса]... Украшенный же добродетелью легко избавит себя от вреда и без труда преодолет соблазны, подобно тому как Одиссей [миновал] Сирен и лотос».

²⁴ «Его письма затмили само благополучие и нашему медному [достоянию] рожают золото. Поэтому лишь ими одними мы гордимся и считаем себя счастливыми... Нет ничего удивительного, если ради дружбы он претерпевает трудности, разделяя нашу радость, и переносит бремя, полное опасностей, подобно Тесею и Эвриалу» (здесь обыгрывается гомеровский мотив из «Илиады» (VI, 236) — обмен золотых доспехов Главка на медные доспехи Диомеда).

²⁵ «И на этом о письмах пусть будет довольно; что же касается прочих типов, сколько

Таким образом, сопоставление «Краткого метода» Пердзивалиса (Рим, 1624) и руководства братьев Лихудов (Москва, 1687) выявляет не типологическое сходство двух независимых пособий, но прямую текстуальную зависимость второго от первого. При всей очевидности заимствований Лихуды, однако, не ограничиваются механическим воспроизведением источника. Пердзивалис выстраивает свою систему на основе аристотелевской триады, распределяя двадцать один эпистолярный стиль (Р, f. 27r–v) по трем родам: эпидейктическому, совещательному и судебному. Лихуды, заимствуя эту таксономию, подвергают ее систематическому расширению: путем дробления существующих типов и введения новых разновидностей они увеличивают количество стилей в каждом роде ровно на три, доводя общее число до тридцати. Кроме того, они группируют стили в диалектические пары «действие — противодействие» (обвинение и оправдание, осмеяние и ответ на осмеяние, укор и ответ на укор), что придает структуре пособия большую логическую завершенность, и заменяют терминологию Пердзивалиса (τύπος для стиля, ἀποβή для ответа) на более стандартные χαρακτήρ и ἀπάντησις. Впрочем, к концу руководства Лихудов унификация не выдерживается: в тексте остаются заголовки «Ἀποβῆαιος τοῦ μεμλτικοῦ τύπου» и «Ἀποβῆαιος τύπος τοῦ κοινοῦ», сохраняющие терминологию источника.

3. «Изложение об эпистолярных типах» Феофила Коридаллевса

Если трактат Пердзивалиса послужил для Лихудов структурной основой, то теоретические определения и корпус образцовых текстов были заимствованы из другого источника, обладавшего непрерываемым академическим авторитетом в греческой образовательной среде XVII в., — «Изложения об эпистолярных типах» (Ἐκθεσις περὶ ἐπιστολικῶν τύπων)²⁶ Феофила Коридаллевса (1570–1646).

Выпускник Коллегии св. Афанасия в Риме и Падуанского университета, виднейший неоаристотелик и схолярх Патриаршей академии в Константинополе, Коридаллевс задал нормативный стандарт преподавания словесности. Его «Изложение», впервые опублико-

бы их ни породило время, плодovitый ум тотчас произведет их, видя в самом времени свой метод и руководствуясь обстоятельствами дел».

²⁶ В *editio princeps* сочинение вышло под заглавием «Περὶ ἐπιστολικῶν τύπων» (см. прим. ниже); в позднейших изданиях и в научной литературе за ним закрепилось расширенное заглавие «Ἐκθεσις περὶ ἐπιστολικῶν τύπων», которое и используется в настоящей статье.

ванное в Лондоне в 1625 г.²⁷ и широко разошедшееся в рукописях, стало базовым учебником на грекоязычных территориях (далее мы вводим для цитирования этого раннепечатного издания сиглу К). Для Лихудов обращение к этому тексту было прагматичным выбором наиболее разработанного и авторитетного пособия своей эпохи.

Выбор Лихудами именно «Изложения» Коридаллевса в качестве теоретического источника не был случайным или продиктованным только его доступностью. Сам Софроний получил степень доктора философии в Падуанском университете — в той же неоаристотелевской школе, которая более чем полувеком ранее сформировала самого Коридаллевса. Аристотелевская топка, проведенная Коридаллевсом через все его эпистолярное руководство (определения через γένος и διαφορά, разделение συμφέρων на аристотелевские подвиды, систематические ссылки на «Риторику», «Риторику к Александру» и «Никомахову этику»), была для Лихудов методологически родной интеллектуальной средой. Через «Изложение» они вводили в собственный курс свою же философскую формацию. Это объясняет, почему теоретические заимствования из Коридаллевса встраивались у Лихудов столь органично — и почему именно теоретический аппарат, а не структурный каркас (заимствованный у Пердзивалиса), они черпали именно из этого источника.

Факт непосредственного использования подтверждается прямым палеографическим свидетельством: в руководстве Лихудов (I, f. 142v; R, f. 29v) одному из писем-образцов предшествует помета «Θεοφίλου: κεφ: Нθ:» (Из [книги] Феофила, гл[ава]: «[О] Нрав[ственном стиле]). В отличие от сугубо практических указаний Пердзивалиса, Коридаллевс последовательно возводил определения эпистолярных типов к риторическому наследию Аристотеля (точнее к трактату «Риторика к Александру», считавшемуся в XVII в. аутентичным произведением Аристотеля). Вслед за ним Лихуды вводят в свой курс определения: энкомий определяется как «возвеличивание добродетелей и деяний» (К, σ. 6), псогос как «умаление славного и возвеличивание бесславного» (К, σ. 22), обвинение (κατηγορία) как «изъявление проступков или преступлений» (К, σ. 52), а увещание (πρωτοπῆ) как «призыв к решениям, словам или действиям» (К, σ. 28).

В ряде случаев Лихуды перенимали структуру и зачины у Пердзивалиса, но теоретическое наполнение заменяли аргументацией Коридаллевса. Наиболее радикальной переработке подвергся раздел об утешительном стиле (παράμυθητικός). Здесь Лихуды полностью

²⁷ Κορυδαλεύς Θ. Περὶ ἐπιστολικῶν τύπων. Londini: Excudebat Guilielmus Iansonius, 1625. 189 p.

отказываются от модели Пердзивалиса, опиравшейся на неоплатонические аллюзии и миф о Ниобе, в пользу стоической и перипатетической аргументации Коридаллевса. Заимствование начинается с самих определений — утешения и утешительного стиля: «Утешение есть отвращение уныния; утешительный же стиль — тот, к которому мы прибегаем в скорбях друзей, перенося их душу от жесткости тягостного [состояния] к [состоянию] более мягкому и спокойному» («Παραμυθία ἐστὶν ἀποτροπὴ ἀθυμίας, παραμυθητικὸς δὲ τύπος ὧς περ ἐπὶ ταῖς τῶν φίλων χρώμεθα δυσχερείαις, ἀπὸ τῆς τραχύτητος τοῦ δυσφορεῖν εἰς τὸ (τὸ ὀν R) λειότερόν τε, καὶ γαληνότερον τὴν ἐκείνων ψυχὴν μετατιθέμενοι»; К, σ. 41; I, f. 139r–v; R, f. 28v). Далее воспроизводится предложенная Коридаллевсом социальная дифференциация стратегий: для людей образованных (τῶν παιδείας ἀντιποιοιμένων) уместны философские доводы, тогда как сановникам (τῶν ἐν ἀξιώμασιν) следует напоминать, что чрезмерная скорбь «женоподобна» («θηλυπρεπής») и недостойна их статуса (I, f. 140r; R, f. 28v; К, σ. 42). В аргументативной части буквально воспроизведена стоическая максима: «Ибо по большей части тревожат нас не сами вещи, а мнения о вещах» («ταράττει γὰρ ἡμᾶς τὰ πολλὰ, οὐ τὰ πράγματα, ἀλλ' αἱ περὶ τῶν πραγμάτων ὑπολήψεις»; I, f. 140v; R, f. 29r; К, σ. 42). Топика утешения в случае смерти также заимствована из «Изложения»: смерть в старости трактуется как избавление от тирании старости, а в молодости — как избежание житейских зол, список которых («зависть, козни, горечь судов») переписан дословно (I, f. 141r–v; R, f. 29r–v; К, σ. 42–43).

Аналогичная картина наблюдается в нескольких других разделах. В поздравительном стиле (συγχαριστικός) Лихуды сохраняют зачин Пердзивалиса, но далее следуют за Коридаллевсом (К, σ. 18–19; I, ff. 98v–99r; R, f. 14r), предлагая три топоса для похвалы чужому успеху: как награде за добродетель, а не случайному дару удачи (οὐχ ὡς τύχης δῶρον); как действию христианского Божьего Промысла (ἀπὸ τῆς τοῦ Θεοῦ προνοίας) вместо античного «дара судьбы» (τὸ τοῦ δαίμονος ἐρμῆον) у Пердзивалиса; через сравнение с мнением других людей. В благодарственном стиле (χαριστήριος) заимствована схоластическая триада элементов благодарности: «от самой вещи, от адресата и от дарителя» (I, f. 93v; R, f. 12v; ср. К, σ. 15), а также афоризм о том, что «быстрые милости слаще». В разделе об ответе на обвинение введено отсутствующее у Пердзивалиса аристотелевское разделение доказательств на «нетехнические» («ἄτεχνοι»: клятвы, свидетельства) и «технические» («ἐκ τῆς τέχνης»), прямо следующее классификации Коридаллевса (К, σ. 55). Наконец, в разделе о побудительном стиле (πρωτρεπτικός), где Пердзивалис ограничивался общими местами, Лихуды (I, f. 135r–136r;

R, ff. 26v–27r), следуя за Коридаллевсом (К, σ. 30), вводят конкретные исторические примеры для иллюстрации риторических топосов: «справедливое» иллюстрируется примером афинян, отразивших Ксеркса, но почтивших Деметрия Фалерского; «законное» — подвигом Отриада; «полезное» — примерами Дения и Агафокла.

Наиболее же обширные заимствования из труда Коридаллевса в учебном курсе Лихудов обнаруживаются в хрестоматии. «Изложение» предоставляло большой корпус писем-образцов — авторских стилизаций на аттическом диалекте, служивших идеальными моделями для обучения эпистолярному искусству. Масштаб заимствований, выявленный при сопоставлении текстов, охватывает 20 писем. Это число особенно показательно на фоне исходного корпуса Коридаллевса: «Изложение» содержит всего 37 образцовых писем, так что Лихуды перенесли в свой курс более половины собранных в нем примеров; на фоне же всей хрестоматии Лихудов, насчитывающей 65 образцов, эти заимствования составляют без малого треть. Распределение коридаллевских заимствований по отдельным стилям выглядит следующим образом.

Энкомиастический стиль (ἐγκωμιαστικός) — наиболее обширный раздел заимствований: 7 писем. Лихуды берут у Коридаллевса четыре из пяти своих образцов восхваления: «Οἱ μὲν πολλοὶ σου τὸ γένος...», «Κωφὸς φασὶν ἀνὴρ...», «Εὖ γε ἡ ποίησις...», «Οὐ μὰ τοὺς λόγους αὐτοῦς...», а также полностью заимствуют блок из трех ответных писем на энкомий: «Εὐδαίμονα τὸν τῆς Θέτιδος...», «Οἱ πρὸς τὸ κάλλος...», «Εγὼ σε καὶ πρότερον...» (К, σ. 7–13; I, ff. 83v–90r; R, ff. 7r–10r).

Поздравительный стиль (συγχαριστικός) — четыре письма (два образца и два ответа). Из раздела исключены только именнные письма (Синесия и Василия Великого), тогда как анонимные модели Коридаллевса перенесены полностью: «Πεφοίτηκε πρὸς ἡμᾶς...» и «Ὅσον ἐγὼ ἀπὸ βαθείας...» (К, σ. 19–20; I, ff. 99v–101r; R, ff. 15r–16r). Ответы: «Οἷς τὰ πάντα κοινά...» и «Εἴπερ ἐμψύχοις...» (К, σ. 21–22; I, ff. 102r–103v; R, ff. 16r–17r).

Порицающий стиль (ψεκτικός) — четыре письма. Лихуды приводят классический образец (Синесия), после чего следуют пары из Коридаллевса: «Ἀκόλαστον ἔφη τις...» и «Ἀνόσιόν τι χρῆμα...» (К, σ. 22–24; I, ff. 106r–108r; R, ff. 18r–19r). Ответы: «Οὐδὲν προτιμῶ σου...» и «Οὐ τοῦτ' ἔστιν εὖροια...» (К, σ. 25–26; I, ff. 109r–110v; R, ff. 19v–20v).

Благодарственный стиль (χαριστήριος) — два письма. Образец: «Τίς οὕτω λμῆν...» (К, σ. 16–17; I, f. 97r; R, f. 13r–v). Ответ: «Εἰ τοῦ βασιλεύειν ἄμεινον...» (К, σ. 18; I, ff. 97r–98r; R, f. 14r).

Насмешливый стиль (τῶθαστικός) — два письма (пара «письмо — ответ»). Образец: «Οὐ παντὸς πλεῖν εἰς Κόρινθον...». Ответ: «Ἦδεῖν καὶ πάλαι σε...» (К, σ. 27–28; I, ff. 111v–113r; R, f. 21r–v).

Просительный стиль (ἀξιωματικός / αἰτητικός) — одно письмо, ответ на просьбу: «Χάριν αἰτήσας διὰ γραμμάτων...» (К, σ. 41; I, f. 130r–v; R, f. 24r–v). Лихуды помещают этот текст как ответ на письмо «Ἐπιτετίμηκα τῷ δεῖνι» Псевдо-Деметрия Фалерского, создавая новую эпистолярную пару, отсутствующую у Коридаллевса.

4. «Эпистолярные типы» Псевдо-Деметрия Фалерского

Наряду с руководствами Пердзивалиса и Коридаллевса братья Лихуды обращались и непосредственно к античному источнику — трактату «Эпистолярные типы» («Τύποι ἐπιστολικοί») Псевдо-Деметрия Фалерского. Зависимость от него двойственна. На уровне номенклатуры она типологична и опосредована: положенная в основу курса система из 21 стиля восходит к классическому перечню Псевдо-Деметрия, однако усвоена Лихудами не из самого трактата, а через «Краткий метод» Пердзивалиса, и потому прямого обращения к античному тексту не предполагает. На уровне же образцов обнаруживается прямое заимствование: множество примеров руководства Лихудов текстуально восходит к трактату Псевдо-Деметрия. Эти письма включены в руководство Лихудов анонимно, как правило, первым образцом или одним из последующих «других» («ἄλλο») при соответствующем стиле без указания источника.

Степень текстуальной близости заимствованных текстов к оригиналу варьируется от практически дословного воспроизведения до свободного парафраза. Помимо риторической правки, обращают на себя внимание два приема. Первый — это конкретизация: безличный ὁ δεῖνα (имярек) либо заменяется именем, либо дополняется должностью или определением. Второй — устранение языческих элементов. Поскольку инципиты образцов в рукописях Лихудов нередко расходятся с чтением Псевдо-Деметрия, ниже они цитируются по рукописи, а чтение трактата приводится в скобках²⁸.

Утешительный стиль (παραινθητικός): «Ἀκούσας τὰ δεῖνὰ τῆς ἀχαρίστου σου τύχης...» (I, f. 142r; R, f. 29v) — Тип 5; полное совпадение.

Хвалебный стиль (ἐπαίνετικός): «Ἐγὼ εἰ καὶ πρότερον ἔγραψας...» (I, f. 90v; R, f. 10v) — Тип 10; перестановка εἰ в зачине.

²⁸ Цит. по изданию: Demetrios et Libanii qui feruntur Τύποι ἐπιστολικοί et Ἐπιστολικάτοι χαρακτήρες / ed. V. Weichert. Lipsiae: Teubner, 1910. LXXIII + 69 p.

Угрожающий стиль (ἀπειλητικός): «Εἰ μὲν ὑπολαμβάνεις μηδεμίαν ὑφέξειν δίκην...» (I, f. 164r; R, f. 39r) — Тип 8; единственное расхождение εἴση / ἴσθι.

Дружеский стиль (φιλικός): «Εἰ καὶ πολὺ σου διάστημα τυγχάνω κεχωρισμένος...» (I, f. 92r; R, f. 11v) — Тип 1; слегка перестроен зачин (снято двойное οὐδέ...οὐδέποτε).

Рекомендательный стиль (συστατικός): «Τὸν δεῖνα τὸν παρακομίζοντά σε τὴν ἐπιστολήν...» (I, f. 148r; R, f. 32r) — Тип 2; замена σοι на σε.

Вопросительный стиль (ἐρωτηματικός): «Ἀκούω τὸν δεῖνα τὸν φιλόσοφον ἐπιδεδημηκένα...» (I, f. 149v; R, f. 32v) — Тип 13; добавлено определение τὸν φιλόσοφον, опущено πότερον ἔτι. Образец помещен не отдельно, а внутри теоретического описания (через формулу οἶον).

Укорительный стиль (μεμπτικός): «Εἰ μὴ παραδέδωκέ σοι καιρὸς μηδέπω...» (I, ff. 165v–166r; R, f. 39v) — Тип 3; смена лица глагола (ὑπέιληφα на ὑπέιληφας) меняет субъект суждения.

Осуждающий стиль (ἐπιτιμητικός): «Τῶν ἀμαρτημάτων τὰ μὲν ἐκουσίως γίνεται...» (I, f. 163r–v; R, ff. 38v–39r) — Тип 6; в ключевом тезисе утрачено οὐκ ἄκων (не невольно), искажена и финальная сентенция (ἐγὼ вместо ἔμπροσθεν).

Увещательный стиль (νουθετικός): «Κακῶς ἐποίησας οὕτω χρησάμενος ἀνδρί...» (I, f. 145v; R, f. 31r) — Тип 7; вместо σύ в списках читается οὐ (палеографическая ошибка), что вносит отрицание и инвертирует смысл, опущена антитеза μήτε γονέων.

Совещательный стиль (συμβουλευτικός): «Ἐξ ὧν εὐδοκίμησα διὰ τῶν ἀρχομένων...» (I, f. 138r; R, ff. 27v–28r) — Тип 11; помещен в руководстве Лихудов под рубрикой «побудительного» (προτρεπτικός) стиля.

Поносительный стиль (ὀνειδιστικός): «Ἔδεισε τοῦ γνῶθι σαυτὸν...» (I, f. 162r–v; R, f. 38v) — Тип 4: Ἔδει σε τὸ γνῶθι σαυτὸν; пропуск отрицания μὴ инвертирует смысл, добавлена отсутствующая в оригинале концовка (λέγε δὲ κακῶς...).

Просительный стиль (ἄξιωματικός / αἰτητικός): «Ἐπιτετίμηκα τῷ Πέτρῳ περὶ ὧν εἰς σὲ διαλέπρακται...» (I, f. 117r–v; R, f. 23r) — Тип 12: τῷ δεῖνι... ἔφης αὐτὸν εἰς σὲ διαλεπρᾶχθαι; помимо подстановки имени Πέτρῳ, образец распространен собственными вставками. Лихуды соединяют его в эпистолярную пару с ответом, заимствованным из «Изложения» Коридаллевса (см. § 3).

Утвердительный стиль (ἀποφαντικός): «Ἐγραψάς μοι πυνθανόμενος εἰ παρ' ἡμῖν...» (I, ff. 149v–150r; R, f. 33r) — Тип 14; переписаны и определение, и сам пример (безличное ὁ δεῖνα заменено оборотом

ὄν ὑπέιληφας, добавлена реплика). Образец, как и в вопросительном стиле, встроен в теорию.

Объяснительный стиль (αἰτιολογικός): «Ἦγουν ἔγραψάς μοι διὰ τάχους πρὸς σέ διακομίζεσθαι...» (I, f. 152r–v; R, f. 34r) — Тип 16; в письмо введены новые «причины» (отсутствие поручителя, телесная немощь), которых нет у Псевдо-Деметрия.

Обвинительный стиль (κατηγορικός): «Οὐχ ἡδέως μὲν ἔφερον ἀκούων τὰ κατὰ σοῦ λεγόμενα πρὸς τὸν στρατηγόν...» (I, ff. 155v–156r; R, ff. 35v–36r) — Тип 17: τὰ κατ' ἐμοῦ λεγόμενα; перспектива письма перенесена с говорящего на адресата, введен «стратег», в одном из тезисов утрачено отрицание οὐ.

Поздравительный стиль (συγχαριστικός / συγχαρητικός): «Οὐχ ὑπέιληφα περὶ σέ τὸν τοῦ πράγματος κύριον...» (I, f. 99v; R, f. 15r) — Тип 19; ряд лексических замен, в том числе депаганизация (παρὰ θεοῖς превратилось в παρὰ τοῖς μείζουσιν).

Иронический стиль (εἰρωνικός): «Ἀπόδεξαι τὴν πρὸς ἡμᾶς εὐνοίαν...» (I, f. 113v–114r; R, f. 22r) — Тип 20: «Ἀπέδειξας...»; изъявительное наклонение зачина заменено императивом, что ослабляет иронический модус, также проведена депаганизация (οἱ θεοὶ стали ὁ θεός).

Благодарственный стиль (χαριστήριος / ἀπευχαριστικός): «Εφ' οἷς εὐηργέτησάς με διὰ λόγων...» (I, f. 95r; R, f. 13r) — Тип 21; зачин существенно переработан (замена προαίρεσιν на διάθεσιν, добавлены νῦν εὐχαριστῶ и πάννυ γλιχόμενος).

Оправдательный стиль (ἀπολογητικός): образец-ответ, в который вплетены фрагменты Псевдо-Деметрия («...καλῶς δὲ πεποίηκεν ἡ τύχη, μέγала μοι πρὸς τὴν ἀπόδειξιν...») (I, ff. 158r–159r; R, ff. 36v–37r) — Тип 18; письмо в целом является самостоятельной композицией Лихудов с узнаваемыми вкраплениями оригинала и образует эпистолярную пару с обвинительным стилем.

Отдельного замечания требует аллегорический стиль (ἀλληγορικός). Пример из трактата Псевдо-Деметрия об атлете и цикадах (Тип 15) у Лихудов помещен не в образцы, а внутрь теоретического описания стиля (I, f. 133r–v; R, f. 25r–v), где он непосредственно соседствует с теоретическим пассажем из трактата «О стиле» Деметрия Фалерского (см. § 2). В самом же образцовом разделе аллегорию иллюстрирует совершенно другое письмо («Δημήτριος Διοδώρῳ»), не связанное с Псевдо-Деметрием.

Наконец, отметим, что для порицающего стиля (ψεκτικός, Тип 9) Лихуды ограничились письмом Синесия и образцом из «Изложения» Коридаллеса (см. § 3). В целом из двадцати рассмотренных соответствий лишь четыре воспроизводят оригинал практически

дословно, тогда как большая часть представляет собой парафразы и переработки той или иной степени свободы; это показывает, что братья Лихуды работали с материалом трактата как составители, перерабатывавшие источник под нужды собственного курса.

На фоне столь активного использования Псевдо-Деметрия показательно отсутствие в практической части руководства Лихудов образцов из позднеантичного пособия Псевдо-Либания «Эпистолярные стили» («Ἐπιστολικάοι χαρακτήρες») — эпистолярного пособия, наиболее популярного в Византии и послужившего основой для школьных византийских письмовников.

5. Заключение

Принадлежность руководства Лихудов к итало-греческой школьной традиции, сложившейся вокруг Папской греческой коллегии св. Афанасия и связанных с ней образовательных центров, прямо обусловлена образовательной биографией авторов. Иоанникий обучался у Герасима Влаха в его греческой школе в Венеции, воспроизводившей педагогическую модель Коллегии в православном контексте. Кроме того, братья прошли курс обучения в Коттуннианской коллегии в Падуе, основанной для греческих студентов Иоанном Коттуннием — выпускником той же Коллегии св. Афанасия, перенесшим ее педагогическую модель в Падуанский университет. Софроний, помимо этого, получил в 1670 г. степень доктора философии в Падуанском университете. Так братья последовательно погружались в образовательную среду этой традиции, усваивали ее дидактические стандарты, овладевали ее учебными пособиями и разделяли характерное для нее убеждение в кодифицируемости словесного искусства.

Механизм составления курса раскрывается в том, как Лихуды распорядились наследием этой традиции. Проведенный анализ показывает, что в основу руководства положены три источника, между которыми материал распределен по функциональному принципу. Структурный каркас — номенклатуру и последовательность эпистолярных типов, диалогическую организацию с ответными письмами, а местами и дословно воспроизводимый текст — Лихуды заимствовали из «Краткого метода» Андреаса Пердзивалиса. Теоретическую надстройку неоплатонизма, а вместе с ней и значительную часть корпуса образцовых писем, они почерпнули из «Изложения» Феофила Коридаллеса. Наконец, для практической части курса братья обращались и непосредственно к античному источнику — «Эпистолярным типам» Псевдо-Деметрия Фалерского, к примерам которого

восходит около двадцати писем-моделей хрестоматии. Зависимость от последнего двойственна: на уровне номенклатуры она опосредована Пердзивалисом и носит типологический характер, тогда как на уровне образцов представляет собой прямое заимствование, степень текстуальной близости которого к оригиналу варьируется от практически дословного воспроизведения до свободного парафраза.

Результатом этого тройного синтеза стал учебник, превосходящий каждый из источников по дидактической полноте. Он сочетает практическую ориентированность педагогики Пердзивалиса с академичностью неоаристотелизма Коридаллевса — а через последнего наследует и падуанскую философскую формацию, в которой эта неоаристотелевская рамка изначально сложилась, — и подкрепляет теорию обширной хрестоматией: из шестидесяти пяти ее образцов около сорока восходят к двум названным источникам — «Изложению» Коридаллевса и «Эпистолярным типам» Псевдо-Деметрия (примерно поровну), — а остальные почерпнуты непосредственно из античной эпистографической классики.

Однако неверно сводить труд Лихудов к компиляции. К их оригинальным решениям следует отнести прежде всего расширение таксономии стилей до тридцати и группировку в диалектические пары «действие — противодействие». Это самая масштабная и методическивершенная таксономия во всем итало-греческом корпусе. Помимо этого, Лихуды ввели справочный блок с конкретным русским содержанием — титулатурой православных патриархов, митрополитов, архиепископов, епископов, игуменов и царей Иоанна и Петра Алексеевичей — и осуществили общую адаптацию учебника к специфике московской аудитории. Они также перестроили теоретическое введение в вопросоответную форму, характерную для ряда иезуитских пособий конца XVI в. (например, трактата Симона Верепеуса «*De epistolis latine conscribendis libri V*», 1586).

Сам метод работы с текстами предшественников — соединение нескольких источников, функциональное перераспределение материала, наполнение учебника заимствованными образцами — не являлся изобретением Лихудов, а отражал устоявшуюся практику итало-греческой образовательной среды. Учитель Лихудов Герасим Влах ввел материалы Коридаллевса в собственный курс [6]; сам Коридаллевс перерабатывал и расширял учебный материал, общий у него с «Синописом» в списке Гиноса [4, 5]; на наиболее раннем этапе коллегиальной традиции тот же прием прослеживается в «Кратком методе» Андреаса Пердзивалиса, который имеет уникальные параллели с школьным конспектом из Τίμιου Σταυροῦ 85. Обращение

же Лихудов к собственно античному образцовому материалу согласуется с общей установкой традиции, неизменно возводившей эпистолярное искусство к античным авторитетам. В итало-греческой традиции XVII–XVIII вв. выстраивается, таким образом, цепь текстов, связанных между собой отношениями не механического копирования, а последовательной адаптации и переработки. Жизнеспособность этой модели подтверждается ее дальнейшей судьбой: неопубликованный трактат Герасима Влаха лег в основу одного из самых популярных учебников греческого Просвещения — «Эпистолярия» Спиридона Милиаса (Венеция, 1757). Текстологический анализ выявляет также специфические фразеологические параллели между руководством Лихудов и другими современными им сочинениями итало-греческой традиции, отсутствующие в текстах Пердзивалиса и Коридаллевса; эти совпадения, по всей вероятности, свидетельствуют о том, что авторы опирались на более широкий общий фонд школьных определений и лекционных материалов, циркулировавший в данной интеллектуальной среде и выходивший за рамки конкретных письменных источников.

Руководство братьев Лихудов представляет собой, таким образом, закономерное звено в этой цепи текстов. Оказавшись в Москве в условиях жесткого дефицита времени и необходимости быстрого налаживания учебного процесса, Лихуды действовали в логике своей эпохи и своей школы. Статус схоларха предполагал создание собственного комплекта учебных пособий по основным дисциплинам тривиума; задача заключалась не в создании оригинальной эпистолярной теории, а в конструировании качественного учебного курса, одновременно укорененного в сложившемся образовательном стандарте и адаптированного к потребностям новой аудитории. Именно эта задача — перенос итало-греческой учебной модели, сложившейся вокруг Папской греческой коллегии св. Афанасия и развивавшейся на протяжении столетия в Падуе, Венеции и других центрах греческой диаспоры, в пространство московской Славяно-греко-латинской академии — и была реализована в трактате «О методе эпистолярных стилей».

Литература

1. Курбанов А.В., Спиридонова Л.В. Руководство братьев Лихудов по эпистолографии в контексте античной и поствизантийской традиции: издание теоретического введения с переводом // *Philologia Classica*. 2025. Т. 20, № 1. С. 108–143. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2025.110>

Abstract: This article examines the sources of the first systematic manual of epistolography to be produced in Russia: the treatise “On the Method of Epistolary Styles,” composed by the brothers Ioannikios and Sophronios Leichoudes in 1687 for the students of the Slavic Greek Latin Academy and preserved in two late-sev-

enteenth-century copies (St. Petersburg, National Library of Russia, Gr. 506; and Mount Athos, Iviron 98). Far from being an isolated work, the treatise is shown to belong squarely to the broader tradition of Italo-Greek school instruction that took shape in the late sixteenth century at the Pontifical Greek College of St. Athanasius in Rome. A close textual and comparative analysis identifies three principal sources. Its structural framework derives from an unpublished treatise by the Cretan Jesuit Andreas Perdzivalis, the “Brief Method” (1624), here examined from its St. Petersburg copy (BAN, Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople [RAIC], no. 179). The theoretical definitions of the individual epistolary types, the Aristotelian topical apparatus, and a substantial part of the model letters were drawn from the printed “Exposition of Epistolary Types” by the leading Greek neo-Aristotelian Theophilos Korydalleus (London, 1625). The manual also draws systematically on the ancient treatise “Epistolary Types” attributed to Pseudo-Demetrius, to which some twenty of its model letters can be traced, ranging from near-verbatim reproductions to free reworkings. The Leichoudes brothers’ handling of their predecessors’ texts reflects the conventions of seventeenth-century academic culture: their aim was not to advance an original theory but to assemble a sound teaching course rooted in an established educational standard and in the common stock of Italo-Greek lecture materials. This manner of working with their sources did not, however, prevent the brothers from producing a textbook that surpasses each of them in didactic comprehensiveness: the taxonomy of epistolary styles they devised is the most fully developed and methodically structured in the entire Italo-Greek corpus.

Keywords: Leichoudes brothers, epistolography, Slavic Greek Latin Academy, Andreas Perdzivalis, Andrea Perzivale, Theophilos Korydalleus, Pseudo-Demetrius, history of education in Russia

Information about the authors: Lydia V. Spyridonova, PhD in History, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St., 25/14, St. Petersburg, Russia; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0918-374X>

E-mail: lydia.spyridonova@gmail.com

Andrey V. Kurbanov, PhD in History, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St., 25/14, 190005 St. Petersburg, Russia; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5441-9235>

E-mail: andrey.kurbanov@gmail.com

For citation: Spyridonova, L.V., Kurbanov, A.V. “The Leichoudes Brothers’ Epistolary Manual: Sources and Method of Compilation.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 397–428. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-397-428>

References

1. Kurbanov, A.V., and L.V. Spyridonova. “Rukovodstvo brat’ev Likhudov po epistolografii v kontekste antichnoi i postvizantiiskoi traditsii: izdanie teoreticheskogo vvedeniia s perevodom” [“The Leichoudes Brothers’ Guide to Epistolography

in the Context of Ancient and Post-Byzantine Tradition: Edition of the Introduction with Translation”]. *Philologia Classica*, vol. 20, no. 1, 2025, pp. 108–143. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2025.110> (In Russ.)

2. Chernoglazov, D.A. *Traktat “Epistoliarnye stili” Psevdo-Libaniia” i ego pozdneishie versii: vizantiiskie epistoliarnye posobiia i ikh prakticheskoe primenenie* [The Treatise “Epistolary Styles” by Pseudo-Libanius and Its Later Versions: Byzantine Letter-Writing Manuals and Their Practical Application: DSc Dissertation]. St. Petersburg, 2021. 883 p. (In Russ. with full English trans.)

3. Kainulainen, Jaska. *Early Jesuits and the Rhetorical Tradition, 1540–1650*. London, Routledge Publ., 2024. 268 p. (In English)

4. Karpozilou, Martha. “The Epistolarion of Theophilos Korydaleus.” *Ellinika*, vol. 49, 1999, pp. 289–303. (In English)

5. Karpozilou, Martha. “Anichneyontas to protypo kai katagrafontas tin tychi tou Epistolariou tou Korydalea” [“Tracing the Model and Recording the Fate of the Epistolarion of Korydaleus”]. *Neoelliniki epistolografia (16os–19os ai.)* [Modern Greek Epistolography (16th–19th c.)]. Athens, Ethniko kai Kapodistriako Panepistimio Athinon Publ., 2006, pp. 125–149. (In Greek)

6. Lappas, Kostas. “Symvoli sti meleti ton pigeon ton entypon Epistolarion tou 18^{ou} aiona” [“Contribution to the Study of the Sources of Printed Letter-Writings of the 18th Century”]. *Mesaionika kai Nea Ellinika*, vol. 9, 2008, pp. 61–118. (In Greek)

7. Stoupakis, Nikolaos. *Georgios Koressios (1570 ci. – 1659/60): i zoi, to ergo tou kai oi pneumatikoi agones tis epochis tou* [Georgios Koressios (ca. 1570–1659/60): His Life, Work, and the Spiritual Struggles of His Time: PhD Thesis, Summary]. Athens, Ethniko kai Kapodistriako Panepistimio Athinon Publ., 1992. XVIII + 487 p. (In Greek)

Статья поступила в редакцию: 07.09.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 07.09.2025
Approved after reviewing: 16.06.2026
Date of publication: 25.09.2026